

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ГУННОВ

Некоторые исследователи уже давно обратили внимание на то, что погребальные традиции раннесредневековых тюркоязычных номадов Евразии во многом напоминали аналогичные обряды и обычаи ираноязычных народов – осетин, скифов и др. Они считали это результатом ассимиляции тюркоязычными пришельцами племен сармато-аланского происхождения в эпоху Великого переселения народов, что могло иметь место во времена поздней Античности и раннего Средневековья [Калоев 1999, 56–78; Новосельцев 1990, 92–93]. Однако ситуация с гуннами свидетельствует в пользу того, что данные погребальные традиции у кочевников алтайского происхождения могут иметь и более глубокие корни, ибо погребальный обряд очень консервативен и его формирование представляет собой довольно длительный процесс.

Уже давно среди исследователей латиноязычного сочинения Иордана “О происхождении и деяниях гетов” (*Getica*) вызывает большой интерес описание похорон гуннского вождя Аттилы. Информация Иордана позволила выделить следующие черты в погребальной церемонии гуннского вождя:

1) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего (“... следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей”);

2) прощание с умершим (“... среди степей в шелковом шатре поместили труп его... отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где он положен; при этом они в погребальных песнопениях... поминали его подвиги”);

3) сооружение кургана¹;

4) *strava* («После того как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами)»);

5) связанный со “стравой” погребальный пир в честь умершего;

6) тайное захоронение умершего в нескольких гробах с вещами (“... ночью, тайно труп предадут земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа... Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения...”);

7) человеческие жертвоприношения (“Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело...”) [Иордан 1960, 117–118].

Как отметили Л. А. Гиндин и Ф. В. Шелов-Коведяев при анализе обряда погребения Аттилы, “захоронение вместе со знатным покойным оружием, конской сбруи (иногда вместе с конями), многочисленной драгоценной утвари и украшений чрезвычайно характерно для всех кочевников – достаточно вспомнить инвентарь богатых скифских курганов (ср. описание погребения скифского царя в Hdt. IV.71.4)” [Гиндин, Шелов-Коведяев 1994, 168].

Действительно, это описание находит аналогии в описании похорон, прежде всего, скифского царя. Геродот оставил нам довольно детальные сведения о погребении как скифских царей, так и других скифов в четвертой книге своей “Истории греко-персидских войн”. Поэтому имеет смысл определить основные элементы погребальной церемонии царских скифов:

- 1) подготовка могилы к погребению и бальзамирование тела умершего;
- 2) транспортировка тела умершего царя на земли подвластных племен, сопровождаемая самоистязанием подданных в знак скорби;
- 3) богатое погребение царя в могильном склепе с дорогими вещами и жертвоприношениями людей и животных;
- 4) сооружение кургана;
- 5) по истечении года пышная тризна, сопровождаемая жертвоприношениями людей и животных (коней);
- 6) после похорон ритуальное очищение в специальной паровой бане [Геродот 1972, IV].

Таким образом, можно предположить, что предки гуннов, еще находясь в Центральной Азии, могли испытать значительное влияние со стороны ираноязычных племен в таких консервативных традициях, как погребальные. Результаты археологических раскопок подтверждают эту версию.

В связи с этим следует вспомнить, что в Туве М. П. Грязновым был исследован курган Аржан. Это была гробница царя с элементами погребального обряда, который был похож на скифский, описанный Геродотом: захоронение царя и “царицы” были расположены в центре; вокруг них обнаружены погребения семи старцев и одного юноши с шестью конями; по краям этой большой могилы похоронены почти 160 коней и т. п. Вещи из этих захоронений имели определенное сходство с инвентарем из скифских курганов в Северном Причерноморье. Несмотря на это, М. П. Грязнов датировал курган Аржан VIII–VII вв. до н. э. Исследователь высказал предположение, что начиная с VII в. до н. э. общая скифо-сибирская культура начала формироваться на территории от степей Центральной Азии до земель Северного Причерноморья [Грязнов 1980, 45–59]. Однако Л. Р. Кизласов датировал курган Аржан VII–VI вв. до н. э. Он склонен связывать этот погребальный памятник с ираноязычными пришельцами с Запада – саками. В результате исследователь пришел к выводу, что население Тувы уже в ранний скифский период было смешанным [Кизласов 1979, 35–41]. Однако, в соответствии с последними данными авторов коллективной монографии “Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология”, курган Аржан следует датировать “приблизительно 800 г. до н. э.” [Евразия... 2005, 215].

Ситуация же с Пазырыкскими курганами может свидетельствовать о возможном симбиозе традиций индоевропейского и алтайского населения на Алтае. Благодаря вечной мерзлоте погребальная церемония была реконструирована в деталях. Таким образом, удалось установить, что погребальные традиции на Пазырыкских и скифских курганах имели много общего. При этом очень многие детали из этих погребений на Алтае хорошо соотносятся как с описанием Геродота, так и с данными Иордана о гуннах и китайских авторов о древних тюрках: до начала захоронения тела умерших подвергались бальзамированию, как у царских скифов; под курганными насыпями были похоронены, как и в случае с царскими скифами, лишь цари и представители знати; погребение осуществлялось только в определенный период года (весной или осенью), как это было у ранних тюрков; ориентированы погребенные были головой на восток, а лицом на запад; все мускулы были удалены с тела покойника, возможно с целью их ритуального поедания, которое практиковалось у Геродотовых массагетов и исседонов; оружие, другие вещи, пища и убитые кони были положены в могилу, что можно наблюдать у Геродотовых скифов и ранних

тюрков; над могилой строили большой курган, как это делали Геродотовы скифы и тюрки; после похорон совершалось ритуальное очищение, которое наблюдаем у Геродотовых скифов; богатые похороны и поминки на месте погребения, как это делали Геродотовы скифы и гунны. Исследователь памятника С. И. Руденко датировал Пазырыкские курганы Алтая V–IV вв. до н. э. И что важно, он отметил смешанный антропологический тип древних жителей Алтая – там были погребены как европеоиды, так и монголоиды. На основании этих наблюдений исследователь сделал следующий вывод: “...у многочисленных племен, которые различались по своему происхождению и языку и которые были расселены в эту эпоху на пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий, при наличии одного и того же занятия – пасторального и кочевого скотоводства, вследствие взаимных связей, и общественный порядок, и идеология во многом были близки, но с различными своеобразными местными особенностями”. Как следствие этого, эта уникальная культура не исчезла на Алтае и вошла составной частью в культуру тюркоязычных народов, которая формировалась, не только на Алтае, но и во всей Центральной Азии [Руденко 1953, 62–69, 326–361]. Однако авторы коллективной монографии “Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология” датируют “курганы 1 и 2 могильника Пазырык – 325–272 гг. до н. э.”, а “курган 5 могильника Пазырык – приблизительно 250 г. до н. э.” [Евразия... 2005, 215]. Несмотря на это, имеются основания считать, что многие элементы скифского погребального обряда могли попасть к предкам гуннов и других тюркоязычных народов еще в степях Центральной Азии задолго до нашей эры.

Весьма показательно, что сравнительный анализ погребальных традиций паннонских гуннов с обычаями родственных им групп Центральной Азии и Дагестана – древних тюрков и дагестанских гуннов – позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но в несколько иной последовательности у последних.

Так, аналогичная погребальная обрядность была зафиксирована у древних тюрков – близкородственных гуннам творцов Первого Тюркского каганата. Китайская династийная хроника “Тань-шу” о погребальном обряде тюрков-тугю в начале VII в. н. э. сообщает следующие подробности:

- 1) подготовка к погребению умершего (“Тело покойника полагают в палатке”);
- 2) жертвоприношение животных (“Сыновья, внуки и родственники обоюго пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву”);
- 3) прощание родственников с умершим (“...семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях...”);
- 4) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего (“...потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают”);
- 5) кремация умершего (“Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу”);
- 6) захоронение праха умершего в определенное время года (“Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развёртываться...”);
- 7) жертвоприношения в день смерти и во время похорон (“В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах”) [Бичурин 1950, 230].

В данном случае необходимо отметить то, что восточные тюрки вместо захоронения по обряду ингумации практиковали кремацию, что предполагало поэтапность в захоронении умершего. Кроме того, по сравнению с гуннским обрядом, у восточных тюрков последовательность погребальных действий несколько иная. И следует обратить внимание на то, что в описании не упомянуты человеческие жертвоприношения, как при погребении гуннского вождя. Это можно объяснить тем, что китайская хроника дала описание похорон не кагана тюрков, а рядового кочевника, но из главного (каганского) племени тюрков.

Не меньший интерес для нас могут представлять погребальные традиции дагестанских гуннов в VII в., описание которых содержится в сочинении армяноязычного автора Мовсеса Каланкатуаци “История Албании”, который отметил такую последовательность ритуальных действий в погребении умершего “гунна”:

1) прощание с умершим, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников (“Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палажом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах”);

2) состязания в честь умершего (“То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону”);

3) оплакивание умершего (“Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предавались скверным поступкам” [Мовсес... 1984, 124].

Таким образом, сравнительный анализ погребальных традиций паннонских гуннов с родственными им группами Центральной Азии и Дагестана позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но с нарушением последовательности: оплакивание умершего, прощание с умершим, захоронение умершего, человеческие жертвоприношения и т. п. Следует отметить, что в описании погребения Аттилы отсутствуют такие элементы погребального обряда, как состязания в честь умершего и жертвоприношение животных. Однако вместе этого в описании Иордана присутствует термин *strava*.

Именно неопределенные данные об употреблении слова *strava* уже давно породили массу литературы, где исследователи пытались объяснить происхождение и семантику этого слова. Ученые в большинстве своем сошлись на том, что термин *strava* представляет собой заимствование в гуннском языке. Однако в данном случае сложилась довольно интересная ситуация, в соответствии с которой славянские исследователи видели в данном термине заимствование, которое, по их мнению, могло попасть к гуннам в результате контактов со славянами, а немецкие ученые увидели в слове *strava* заимствование из языка готов, исходя из того, что Иордан имел готские корни и готы довольно длительное время находились в сфере влияния гуннов.

Так, одним из первых гипотезу о готском происхождении термина *strava* выдвинул Яков Гримм, по мнению которого, упоминаемый Иорданом термин мог происходить от готского слова *straujan* – “простирать”, т. е. слово *strava* должно было означать погребальный костер, т. е. ложе, на котором должны были простирать умершего для сожжения [Grimm 1866, 171–235]. Т. Момзен также склонялся к тому, что слово *strava* (*straba*) имело готское происхождение и означало погребальный костер. Таким образом, получается, что в Паннонии сначала гунны, а потом и славяне могли воспринять от готов термин *strava* [Jordanis 1885, 198]. Со своей стороны, Э. Шварц считал, что *strava* происходит от готского термина *sútrava*, которому соответствует значение Gerüst – “леса, подпорки, костер” [Schwartz 1956, 225]. У С. Файста *strava* выводится от древнегерманского *stro*, gen. *strawe*, древнеисландского

strā, англосаксонского *strew* – “солома” и, соответственно, переводится как “куча оружия для победного костра” [Feist 1939, 103].

Эти этимологические изыскания немецких исследователей, естественно, вызвали резкое несогласие со стороны славянских ученых. Так, П. Шафарик считал слово *strava* славянским [Шафарик 1837, 256–257]. А. А. Котляревский также считал слово *страва* славянским, потому что славяне “и до ныне пользуются этим термином для обозначения: пищи, кушанья, запаса яств, составляющих обед” [Котляревский 1868, 39]. Предложенная А. А. Котляревским этимология термина *страва* оригинальна: “...оно сложное – с-т-р-в-а, тема, очевидно, идет от славянского корня *троу*, который даст происхождение глаголу *троути*, *натроути*, *натровити*... Но собственный смысл был издревле: кормить, питать...” [Котляревский 1868, 39–40]. Обстоятельства заимствования термина гуннами от славян А. А. Котляревский объяснил следующим образом: “Славяне, на ряду с другими племенами, могли и должны были войти в дружину Гуннов” [Котляревский 1868, 38]. В дальнейшем переводчик на русский язык сочинения Иордана “Гетика” Е. Ч. Скржинская не сомневалась в славянском происхождении термина *страва* и, соответственно, в своих комментариях отметила: «Страва – пища, еда, кушанье, яство, блюдо, похлебка, варево (см.: Даль, *Толковый словарь*). В данном случае Иордан под “стравой” подразумевал “тризну”, поминальный пир, поминовение усопшего пиршеством, песнопениями, конскими ристаниями» [Иордан 1960, 327, ком. 629].

Гипотеза о заимствовании гуннами от славян термина *strava* стала особенно популярной среди исследователей бывшего Советского Союза. Так, В. П. Кобычев считал: «Страва (*strava*) – “поминальный пир”, устроенный, по сообщению Иордана, на могиле Аттилы, слово, которое в том же значении “поминки” и поныне встречается в ряде диалектов польского, чешского, словацкого, украинского и русского языков» [Кобычев 1973, 60–75]. В последнее время идея славянского происхождения термина *strava* в “Гетике” Иордана активно отстаивается Л. А. Гиндиным, который давал термину значение “поминальный пир” [Гиндин 1986, 30–33; Гиндин, Шелов-Коведяев 1994, 161–169].

Однако бросается в глаза парадоксальность этих этимологических построений: немецкие ученые отстаивали готское происхождение слова *strava* в языке гуннов, ссылаясь на свое же предположение, что готы в IV в. влияли на гуннов в Паннонии, несмотря на то, что основанием для этого было лишь упоминание Иорданом указанного термина. Аналогичный подход продемонстрировали и славянские ученые. Спрашивается, где же логика?

В связи с этим особого внимания заслуживает гипотеза В. Арнима, в соответствии с которой данное слово имеет гуннское происхождение, т. е. гунны были с ним хорошо знакомы задолго до миграции в Европу. Доказательством этого, по мнению исследователя, является то, что в некоторых тюркских языках сохранилось слово с подобной основой – *astrav* в значениях: “погребение трупа”, “убежище”, “поминки”. По логике В. Арнима, данный термин попал в язык славян от гуннов, где и приобрел вид *страва* [Arnim 1936, 100]. Однако в данной гипотезе не учитывается тот факт, что тюркоязычные предки гуннов сами могли заимствовать подобное термину *strava* слово от соседей где-то в глубинах Азии еще в древности. На роль этих соседей, как уже указывалось, вполне подходят древнеиранские племена, которые могли передать прототюркам не только многие элементы погребальной обрядности, но и термины для их обозначения.

Сравнительный анализ погребальных традиций паннонских гуннов с родственными им группами Центральной Азии и Дагестана позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но, как уже отмечалось, в несколько иной последовательности. Уже указывалось, что в описании погребения Аттилы отсутствуют такие

элементы погребального обряда, как состязания в честь умершего и жертвоприношение животных. Однако вместо этого в описании Иордана присутствует термин *strava*. Следует отметить, что многие этнографы склонны рассматривать спортивные состязания на похоронах у кочевников как традицию замещения принесения в жертву людей и животных, что обуславливалось практическими соображениями. Так как человеческие жертвоприношения в описании Иордана присутствуют, то логичней считать, что термин *strava* должен был означать жертвоприношение животных, за которым следовал непосредственно пир в честь умершего, для обозначения которого Иордан использовал термин *commessatione*.

В связи этим особый интерес может представлять специальная терминология из современного осетинского языка, который имеет непосредственное отношение к языку аланов, находившихся в период поздней Античности в интенсивных контактах с гуннами.

Так, В. И. Абаев в современном осетинском языке зафиксировал термин *st'aelyn* : *st'aeld*, который имеет следующие значения: “гибнуть”, “пропадать”, “околевать” и т. п. [Абаев 1979, 163]. Если исходить из того, что древнеиранское *-r-* в современных иранских языках имеет тенденцию переходить в *-l-*, то можно вполне согласиться с мнением В. И. Абаева, что данный термин происходит от древнего иранского **starya-*, который восходит к общеиндоевропейскому **star-*, **ster-* – “становиться неподвижным, мертвым”, а также “засыхать, становиться бесплодным” [Абаев 1979, 163]. В качестве доказательства этой этимологии В. И. Абаев привел следующие параллели: “...перс. *satarvan* ‘бесплодный’, др. инд. *stari-* ‘бесплодная корова’, русск. *стерва* ‘падаль’, др. русск. *стърва* ‘труп’, русск. *стербнуть* ‘делаться жестким’, ‘цепенеть’, ‘отмирать’, нем. *sterben*, нидерл. *sterven* ‘умирать’, англ. *starve* ‘умирать с голоду’, ‘околевать’; далее нем. *starr* ‘неподвижный’, ‘оцепенелый’, ст. слав. *starъ* ‘старый’, лат. *sterilis*, гр. *στεῖρος* ‘бесплодный’, *στέρφος* ‘твердый’, ‘бесплодный’...” [Абаев 1979, 163]. На основании этого В. И. Абаев сделал следующий вывод: “...ос. *st'aelyn* по семантике стоит ближе к некоторым славяно-германским фактам (значение ‘умирать’) и с этой стороны может быть причислено к скифо-европейским изоглосам” [Абаев 1979, 163–164]. Однако в данной ситуации следует обратить внимание на то, что во многих индоевропейских языках слова с подобной основой имеют множество других семантических значений.

Это, прежде всего, касается славянского *стерва*, этимологию которого М. Фасмер вывел из индоевропейских языков в значении “падаль, труп” [Фасмер 1987, 756–757]. Со своей стороны, И. И. Срезневский в своем “Словаре древнерусского языка” слово *стърв* – *стерво* определил как “труп” и сравнил его с литовским *sterva* – “падаль” [Срезневский 1989, 586]. В. И. Даль в “Толковом словаре живого великорусского языка” дает следующее объяснение слова: “*Стерва*. ж. и *стерво* – труп околевшего животного, скота, падаль, мертвечина, дохлятина, упадь, дохлая, палая скотина” [Даль 2003, 541–542]. Таким образом, изначально слово *стерва* в славянских языках должно было означать мертвое животное, прежде всего скот.

Не меньший интерес могут представлять и данные об индоиранских языках. В данной ситуации обращает на себя внимание то, что древнеиндийское *stari-* имеет значение “бесплодная корова” [Абаев 1979, 163]. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в близкородственных иранских языках. Так, в ваханском языке был зафиксирован термин *strin*, который означает “яловая, бесплодная (о скоте)” [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 452]. А в мунджанском языке отмечено родственное слово *šingéya* – “яловая, нестельная корова”, которое, по мнению И. М. Стеблин-Каменского, связано с древнеиранским **stanni-*, древнеиндийским *stari-*, шугнанским *sitīr*, сарикольским *stir*, персидским *satarvan* (“стерилизованная, бесплодная женщина”) [Стеблин-Каменский 1974, 151; 1999, 317–318]. Весьма характерно, что

в других иранских языках родственные термины обозначают просто скот. Так, в осетинском языке для обозначения коровы или быка используют термин *stur* [Абаев 1979, 155]; в язгулямском языке мелкий рогатый скот обозначают словом *seter* [Эдельман 1971, 240]; в бартангском для обозначения крупного рогатого скота используются термины *sitūr, sutūr* [Соколова 1960, 154–155]; в мунджанском языке для обозначения рогатого скота существует термин *setūr* [Грюнберг 1972, 357]; для обозначения крупного рогатого скота в шугнанском языке использовалось слово *situr* [Зарубин 1960, 230]; в ягнобском мелкий рогатый скот обозначали терминами *sūtūr, s'tūr, stur* [Андреев, Пещерева 1957, 324]. Исследователи единодушны во мнении, что прообразом всех этих слов была авестийская форма *staura*, служащая для обозначения скота [Соколов 1964, 319]. Как видим, древнеиранский термин *staura* мог быть семантически и по форме связанным с индоевропейским **star-*, который изначально означал убитых, умерщвленных животных.

Что же касается славянских языков, то термин *сmpава* находится в обособленном положении, в то время как там получили широкое распространение термины, восходящие к индоевропейскому **sterv-* – *стерва, стервятина, стервятник, стербать, стербануть, стербнуть* и т. п. Это можно объяснить лишь тем, что термин *сmpава* у славян представлял заимствование из других индоевропейских языков, весьма отличных от германских. Этими соседями для славян, как и для предков гуннов, могли являться в первую очередь племена ираноязычных кочевников Восточной Европы.

Как уже отмечалось, во многих современных иранских языках существует обозначение для скота, восходящее к авестийскому *staura* [Соколов 1964, 319]. В то же время существование в персидском термина *satarvan* – “бесплодный” позволяет считать, что в ряде иранских языков для обозначения бесплодного скота мог сохраняться более древний термин **starva*. Однако в иранских языках слово **starva*, в отличие от славянских, не трансформировалось в обозначение пищи, а продолжало длительное время служить для обозначения бесплодного, т. е. бесполезного, а следовательно, предназначенного для умерщвления животного. Мог ли в языках кочевых иранских племен термин **starva* трансформироваться в **strava*? В данном случае речь идет о возможной для иранских языков перестановке гласных. В качестве вероятности этого отметим древнеперсидское *strav-* – “осквернять себя.” (прикасаться к мертвому. – О. Б.) [Фасмер 1987, 756–757], а также ваханское обозначение для бесплодного скота *strin* [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 452], где, в отличие от древнеиранского *staura*, гласный стоит после *-r-*. Таким образом, не исключена возможность, что славянское *сmpава* произошло от древнеиранского **strava*. В данном случае нельзя отрицать того, что предки гуннов могли заимствовать в степи от древних иранцев один из вариантов для обозначения жертвенных животных – **strava*. В этом случае в языке гуннов, который традиционно относят к алтайским, он приобрел бы вид **astrav*. До нас же термин *strava* дошел в интерпретации самого Иордана.

Е. Ч. Скржинская была склонна считать, что Иордан имел родственные связи не только с готами, но и с аланами. Следовательно, он мог знать и аланский язык [Иордан 1960, 14–15]. Таким образом, Иордан должен был узнать в тексте его информатора Приска знакомый ему термин, но в искаженном виде. В результате Иордан зафиксировал во фрагменте своего сочинения слово, которое соответствовало языку аланов начала VI в., – *strava*. Именно так аланы должны были называть обряд, непосредственно связанный с началом поминальной тризны. Наличие такого же термина среди славян лишней раз может свидетельствовать в пользу того, что в значениях “принесенное в жертву животное, жертвенная пища” он к ним мог попасть от ираноязычных соседей – аланов в эпоху Великого переселения народов.

Трудно представить, чтобы погребальный обряд славян и связанная с ним терминология могли оказать значительное воздействие на пришедших из Центральной Азии завоевателей-гуннов. Данные этнографии свидетельствуют о том, что погребальные традиции многих тюркоязычных народов степей Центральной Азии до сих пор сохраняют традиции древних кочевников и находят также определенные соответствия в традициях осетин – потомков кавказских аланов.

Так, у казахов, киргизов и других скотоводческих народов Центральной Азии в честь умершего проводили конные состязания и приносили в жертву животное, что имело непосредственную связь с поминальной тризной. При этом на поминках особое внимание уделялось жертвенному животному, тело которого во время поминальной тризны распределялось следующим образом: голову животного ставили перед наиболее почетными лицами; ребра, кусочек печени, шеи – табунщику; ноги и почки – мальчикам [Калоев 1999, 65–66]. Таким образом, у кочевников обряд принесения в жертву животных в честь умершего и поминальная тризна были взаимосвязаны, т. е. практически представляли одну общую церемонию. И поэтому ничто не мешает нам считать, что от древних иранцев термин *strava* или подобные ему слова могли попасть к предкам гуннов для обозначения одного из элементов погребального обряда – жертвоприношения животных для погребальной тризны.

В заключение обратим внимание на еще одну особенность: в погребальных традициях осетин больше общего с погребальными традициями древних тюрков и дагестанских гуннов, чем паннонских гуннов. Так, данные этнографии свидетельствуют о том, что осетинскому погребальному обряду были присущи следующие черты:

- 1) о смерти родственников извещал специальный “печальный вестник”;
- 2) во время оплакивания имело место самоистязание родственников умершего;
- 3) родственники покойника по родительской линии трижды обходили вокруг покойника на коленях;
- 4) покойника одевали в наилучшую одежду и клали к могилу оружие и бытовые вещи;
- 5) проводился обряд посвящения коня покойнику;
- 6) одновременно с посвящением коня вдова отрезала косу и клала ее в могилу;
- 7) во время похорон и поминок через год в честь покойника устраивали конные состязания – *дугъ*, где конь-победитель посвящался покойнику;
- 8) покойника везли на кладбище не только на телеге, но и на санях, несмотря на время года;
- 9) по завершении похорон на могиле разжигали костер;
- 10) поминки устраивали по завершении похорон и на протяжении года – 12 больших и маленьких поминок.

По наблюдениям исследователей, осетинский погребальный обряд сохранил многие традиции погребальной обрядности древних кочевников, уходящие корнями в скифо-сарматскую эпоху, и поэтому может в значительной степени дополнять отрывочные сведения письменных источников. При этом отмечено, что конные состязания в честь умершего, обряд посвящения коня умершему и отрезание косы у вдовы из практических соображений призваны были заменить жертвоприношения животных и людей [Миллер 1882; Калоев 1984, 72–105; Дюмезиль 1990, 188–198]. Таким образом, осетинский материал демонстрирует сходство не только с гуннскими, но и со скифскими погребальными традициями. А это означает, что для кочевников времен поздней Античности прообразом стали погребальные традиции кочевников скифского времени. Возможно поэтому, сходство ряда погребальных обрядов древних тюрков и дагестанских гуннов с осетинской погребальной обрядностью можно объяснить не только их возникновением в скифскую эпоху, но и более поздними контактами древних тюркских племен с номадами сармато-аланского происхождения.

Кроме того, на сегодня многие исследователи придерживаются того мнения, что формирование гуннской конфедерации племен началось в Центральной Азии еще до нашей эры. Но уже до этого среди предков гуннов получили распространение погребальные обряды, аналогичные скифским. Однако по мере продвижения на запад “хунны” взаимодействовали с кочевыми племенами иранского происхождения в Центральной Азии и Восточной Европе – саками, массагетами, аланами и т. п. Не исключено, что многие племена и роды ираноязычных номадов были включены в состав “хуннской” (гуннской) конфедерации уже изначально. Это должно было предполагать интенсивность контактов, что могло также отобразиться и на идеологии верхушки гуннского общества. Может быть, поэтому погребальный обряд гуннов был подобен погребальным традициям не только ранних скифов, но и более поздних ираноязычных народов.

¹ В данном случае смущает то, что в описании Иордана сначала соорудили курган и лишь после погребального пира захоронили тело Аттилы. Создается впечатление, что описание Иордана отличается произвольностью и непоследовательностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Ленинград, 1979.*
- Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. Москва – Ленинград, 1957.*
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва – Ленинград, 1950.*
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Ленинград, 1972.*
- Гиндин Л. А. Обряд погребения Аттилы и “тризна” Ольги по Игорю // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд. Тезисы научной конференции. Москва, 1986.*
- Гиндин Л. А., Шелов-Коведяев Ф. В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. Москва, 1994.*
- Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Ленинград, 1972.*
- Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Москва, 1976.*
- Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Ленинград, 1980.*
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4-х т. Т. 4. Москва, 2003.*
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Москва, 1990.*
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. Санкт-Петербург, 2005.**
- Зарубин И. И. Шугнанские тексты и словарь. Москва – Ленинград, 1960.*
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е. Ч. Скржинской. Москва, 1960.*
- Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. Москва, 1984.*
- Калоев Б. А. Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. Москва, 1999.*
- Кобычев В. П. В поисках прародины славян. Москва, 1973.*
- Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. Москва, 1868.*
- Кызласов Л. П. Древняя Тува. Москва, 1979.*
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Т. II. Москва, 1882.*
- Мовсэс Калакантуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.*
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва, 1990.**

- Руденко С. И.* **Культура населения Горного Алтая в скифское время.** Москва – Ленинград, 1953.
- Соколов С. Н.* **Язык Авесты.** Ленинград, 1964.
- Соколова В. С.* **Бартангские тексты и словарь.** Москва, 1960.
- Срезневский И. И.* **Словарь древнерусского языка.** Т. 3. Ч. 1. Москва, 1989.
- Стеблин-Каменский И. М.* Рецензия на: А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Ленинград, 1972 // **Вопросы языкознания**, 1974, № 3.
- Стеблин-Каменский И. М.* **Этимологический словарь ваханского языка.** Санкт-Петербург, 1999.
- Фасмер М.* **Этимологический словарь русского языка.** Т. III. Москва, 1987.
- Шафарик П.* **Славянские древности.** Т. I. Кн. 2. Москва, 1837.
- Эдельман Д. И.* **Язгулямско-русский словарь.** Москва, 1971.
- Arnim V.* Bemerkungen zum Hunnischen // **Zeitschrift für Slawische Philologie.** Bd. 13. Heidelberg, 1936.
- Feist S.* **Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache.** Leiden, 1939.
- Grimm Jac.* Über Jordandes und die Geten // **Kleinere Schriften.** III. Berlin, 1866.
- Jordanis.* **Getica** / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1885.
- Schwarz E.* **Germanische Stammeskunde.** Heidelberg, 1956.